

Цзян Чэн бросил на него долгий испытующий взгляд, но не стал настаивать.

— Это хорошо. — просто сказал он, хотя его нахмуренный лоб не разгладился.

Бай Цзиньшу продолжал молчать. Он только что обработал рану и знал, что Е Лихэнь преуменьшает ее значение. Рана все еще была серьезной, глубокой, местами воспаленной и болезненной на ощупь. Хотя она больше не угрожала жизни, она была далека от «почти зажившей». Но Е Лихэнь, как всегда, вел себя так, словно боль не имела значения, словно терпеть ее было его второй натурой.

Бай Цзиньшу искоса взглянул на него, и в его глазах промелькнула смесь восхищения и беспомощности.

Цзян Чэн повернулся к Бай Цзиньшу.

— Мы отправляемся завтра на рассвете. Я распоряжусь о лошадях и припасах сегодня вечером.

— Понял. — кивнул Бай Цзиньшу.

После того, как Цзян Чэн вышел из комнаты, Бай Цзиньшу медленно выдохнул. Воздух казался тяжелым, насыщенным невысказанными словами.

— Тебе не нужно было лгать. — тихо сказал Бай Цзиньшу, поправляя одеяло Е Лихэня.

— Это не была ложью. — Е Лихэнь ответил, не глядя на него. — Боль и опасность это не одно и то же.

— Но если ты будешь давить на себя, это задержит твое выздоровление.

Е Лихэнь, наконец, встретился с ним взглядом.

— А замедление подвергает риску всех. Я знаю, что бы я выбрал из двух вариантов.

Бай Цзиньшу не стал спорить. Он не мог. То, что сказал Е Лихэнь, имело смысл в мире боевых искусств, где нерешительность может привести к смерти. Но от этого было не легче принять это. Особенно, когда это касалось того, кто неоднократно подвергал себя опасности ради самого Бай Цзиньшу.

— ...Хорошо. — наконец пробормотал Бай Цзиньшу почти неохотно. — Но если ты упадешь в обморок по дороге, не жди, что я буду тебя нести.

— Ты бы так или иначе это сделал. Даже если бы тебе пришлось сначала поспорить с самим собой. — понимающе улыбнулся Е Лихэнь.

Это заставило Бай Цзиньшу замолчать действеннее, чем любая ругань.

В наступившей тишине оба мужчины отвели взгляды. Один притворился, что занят сворачиванием бинтов, другой позволил боли в груди притупиться под влиянием теплоты редкого взаимопонимания.

— Это хорошо. — с облегчением сказал Цзян Чэн.

Бай Цзиньшу посмотрел на человека, который, казалось, всегда напускал на себя храбрый вид,

и ему оставалось только напомнить себе, что нужно быть особенно внимательным на дороге.

Разработав общий план, Цзян Чэн обдумал детали.

— Если мы останемся здесь на ночь, то, вероятно, не сможем хорошо отдохнуть. Чем дольше мы будем оставаться, тем больше времени дадим врагу. Давайте собираться и готовиться к отъезду.

Собрать вещи было несложно, так как они не планировали задерживаться надолго и были готовы к любым неожиданным переменам. Им просто нужно было взять свои сумки и уйти. Зная, что вскоре их ждут тяжелые дни, они с удовольствием поужинали едой, которую привез Цзян Чэн.

После ужина они втроем отправились в путь.

Когда они впервые прибыли в этот заброшенный дом, Цзян Чэн с помощью цингуна привел Е Лихэнь, так что у них было всего две лошади. Поскольку Линь Лин ушла без лошади, у них все еще осталось две лошади. Вполне естественно, что у Цзян Чэна была одна лошадь, а у Бай Цзиньшу и Е Лихэня — другая.

Однако, когда они отправились за лошадьми, Бай Цзиньшу внезапно осознал проблему.

Проблема была не в мыслях Е Лихэня, а в его собственных. Он не знал, как естественно поддерживать такой тесный контакт с Е Лихэнем. Он не думал, что у него были какие-то романтические мысли о Е Лихэне, но боялся столкнуться с такой возможностью, даже с малейшим шансом.

Стоя рядом с двумя лошадьми, Бай Цзиньшу заколебался.

Е Лихэнь взглянул на Бай Цзиньшу, а затем повернулся к Цзян Чэну:

— Герой Цзян, можно мне поехать с вами?

Возможно, Цзян Чэн был озадачен странной динамикой отношений между Бай Цзиньшу и Е Лихэнем, но не подал виду. Он просто кивнул и помог Е Лихэню взобраться на лошадь.

К тому времени, как Бай Цзиньшу пришел в себя, Е Лихэнь уже сидел рядом с Цзян Чэном. Не теряя времени на раздумья, Бай Цзиньшу быстро оседлал свою лошадь.

Стояла глубокая ночь, и при лунном свете они втроем ехали по тихим горным тропинкам, а Бай Цзиньшу замыкал шествие, чтобы убедиться, что за ними никто не следит.

Даже издалека Бай Цзиньшу мог ясно видеть, что Е Лихэнь, который всегда держался отстраненно со всеми, кроме Бай Цзиньшу, теперь совершенно расслабился, катаясь с Цзян Чэном.

По какой-то причине Бай Цзиньшу почувствовал необъяснимое беспокойство, видя, казалось бы, расслабленное поведение Е Лихэня.

Убедившись, что преследователей нет, Бай Цзиньшу догнал их и поехал рядом с ними.

Когда он приблизился, Е Лихэнь разговаривал с Цзян Чэном.

Должно быть, они болтали уже некоторое время, и Бай Цзиньшу не мог понять, о чем шла

речь.

Как только он собрался подслушать, Е Лихэнь прервал разговор и повернулся к нему:

— Кто-нибудь следит за нами?

Бай Цзиншу сосредоточился на насущном вопросе.

— Нет. — поспешил подтвердить он. — Мы можем отдохнуть здесь. — сказал он, глядя на Е Лихэня, который не был готов к длительным путешествиям.

Прежде чем Е Лихэнь успел что-либо сказать, Цзян Чэн согласился с предложением Бай Цзиньшу:

— Хотя здесь и тяжело разбивать лагерь, лучшего места для отдыха не найти. Давайте сделаем перерыв.

Затем он придержал свою лошадь.

Место, где они остановились, представляло собой ровную площадку между деревьями, совершенно незаметную.

Бай Цзиншу привязал лошадей к дереву и собрал немного хвороста.

Он и Цзян Чэн, с их сильной внутренней энергией, не нуждались в тепле, поэтому дрова явно предназначались для Е Лихэня, чьи раны еще не полностью зажили.

Е Лихэнь понимал это, но ничего не говорил, молча помогая развести огонь.

Этот избалованный молодой господин был чрезвычайно умен, но неуклюж в выполнении заданий, из-за чего чуть не поджег свой рукав вместо дров.

Бай Цзиншу был ошеломлен, в то время как Цзян Чэн использовал пальмовый ветер, чтобы погасить пламя на рукаве Е Лихэня.

— Чтобы развести огонь, тебе нужна растопка. Трудно разжечь дрова напрямую.

Лидер боевого альянса лично обучил его этой технике, используя свою внутреннюю энергию для сушки влажных листьев, поджигания их с помощью зажигалки, а затем добавления веток.

Е Лихэнь наблюдал за руками Цзян Чэна со слегка ошеломленным выражением лица, неуверенный, что он чему-то научился, просто повторяя, и держа веточку у огня.

Увидев это, Бай Цзиншу быстро отдернул руку Е Лихэня.

Одежда этого молодого господина, в отличие от практичных нарядов мастеров боевых искусств, имела широкие рукава, предназначенные для показухи, и слишком близкое приближение к огню могло привести к их повторному возгоранию.

— В этом мире есть много людей, которые так и не научились разводить огонь, но живут прекрасно. Тебе не нужно этому учиться. — сказал Бай Цзиншу, берясь за дело.

Цзян Чэн, который сбавил темп во время урока, взглянул на Бай Цзиншу, видя его нетерпение развести огонь, быстро помог закончить задание.

Как только они втроем уселись у костра, Цзян Чэн во время отдыха рассказал Бай Цзиньшу о предстоящих планах.

— На самом деле, мы находимся недалеко от горы Жэньван. Ранее мы с Сяо Е* обсуждали, что сначала отправимся туда. Ты можешь остаться на горе на некоторое время, а затем отправиться на собрание боевых искусств со своим наставником.

*□ – Цзян Чэн говорит о Е Лихэне, используя уменьшительно-ласкательное «Сяо».

План Цзян Чэна был уместным, учитывая ситуацию.

Хотя для восхождения на гору Жэньван пришлось сделать крюк, до собрания по боевым искусствам было еще далеко, и Бай Цзиньшу был рад навестить своего наставника и других учеников.

Кроме того, как у лидера военного альянса, у Цзян Чэна было много дел, которые он должен был решить перед собранием, и, взяв с собой Бай Цзиньшу и других на гору Жэньван, он мог уйти оттуда со спокойной душой.

Бай Цзиньшу кивнул в знак согласия и, прежде чем заговорить, взглянул на человека, чей титул внезапно сменился с «младшего брата Е» на «Сяо Е»:

— Конечно, я бы с удовольствием навестил учителя. Мне просто интересно, было бы герою Е интересно посетить гору Жэньван?

Е Лихэнь без всякого выражения посмотрел на Бай Цзиньшу:

— Мир огромен, но не так много мест, которые я могу назвать домом. Пока герой Бай не возражает против моего посещения горы Жэньван, я в согласен.

Нарочито отстраненный вопрос Бай Цзиньшу был встречен столь же официальным ответом Е Лихэня, отчего зачинщик почувствовал себя неуютно.

После недолгого молчания Бай Цзиньшу смягчил тон:

— Тогда решено. Небо почти прояснилось, вам двоим следует отдохнуть. Я посторожу.

После долгого путешествия Е Лихэнь сильно устал и не стал притворяться, что это не так, он потуже натянул воротник и улегся на тонкий слой опавших листьев.

Цзян Чэн, который не задавался вопросом о странной атмосфере между Бай Цзиньшу и Е Лихэнем, просто кивнул Бай Цзиньшу, сказав:

— Спасибо, Цзиньшу. — и прислонился к дереву, чтобы отдохнуть.

Благодаря бдительности Бай Цзиньшу и опыту Цзян Чэна, наблюдение могло бы быть более спокойным. Бай Цзиньшу мог даже ненадолго закрыть глаза.

Однако, несмотря на усталость от путешествия и постоянную опасность, Бай Цзиньшу чувствовал себя бодрым, а его разум был беспокойным.

Небо на востоке оставалось темным, полумесяца больше не было видно. В безмолвной, тусклой ночи только мерцающий костер отбрасывал желтое свечение.

Бай Цзиншу невольно посмотрел на лицо Е Лихэня, освещенное светом костра. Он явно не получал достаточно тепла, его тело слегка скрючилось, руки бессознательно обхватили себя, а правая рука небрежно лежала на ране на плече.

Бай Цзиньшу подошел, осторожно взял Е Лихэня за правую руку и накиннул на него свое теплое пальто.

Всего несколько часов назад Е Лихэнь сказал Бай Цзиньшу: «отвечать мне это твой выбор, а не отвечать – мой».

Но это не могло быть делом только Е Лихэня. Даже если он не ответил, это все равно было проблемой Бай Цзиншу. В мире было бесчисленное множество вопросов, на которые Бай Цзиньшу мог не обращать внимания, но этот, касающийся Е Лихэня, никогда не стал бы предметом чьих-то еще размышлений.

Стоя на коленях перед Е Лихэнем, Бай Цзиньшу не осознавал, как долго он был погружен в свои мысли. Когда он обернулся, то обнаружил, что Цзян Чэн открыл глаза.

Бай Цзиншу вздрогнул, почувствовав необъяснимое смущение.

Цзян Чэн сохранял спокойствие, глядя прямо в глаза Бай Цзиньшу, и произнес глубоким голосом:

— Настоящий мужчина знает, что делать, а чего не делать, и если он осмеливается это сделать, у него должно хватить мужества предстать перед судом мира.

Поняв намек Цзян Чэна, Бай Цзиншу сначала удивился отсутствию у него возражений, а затем пояснил:

— Это не то, что вы думаете, дядя.

— Не имеет значения, что думаю я, важно то, что думаешь ты. — Цзян Чэн, вставая больше ничего не сказал. — Уже светает. Тебе следует приготовиться к отъезду. Я принесу... немного воды.

Бай Цзиньшу хотел, чтобы Е Лихэнь отдохнул подольше, но он знал, что только вернувшись на гору Жэньван, они смогут по-настоящему спокойно выспаться.

Видя, что огонь угасает, он забеспокоился, что Е Лихэнь простудится, если будет спать дольше, поэтому он осторожно потряс его за плечо.

Обычно бдительному Е Лихэню потребовалось некоторое время, чтобы прийти в себя.

— Почему ты так беспечно спишь? Это опасно. — не мог не волноваться Бай Цзиншу.

— Я сплю рядом с двумя великими мастерами, зачем мне утруждать себя? — небрежно ответил Е Лихэнь.

— Ты нам доверяешь? — не смог сдержать улыбки Бай Цзиншу.

— Я, естественно, обладаю здравым смыслом. — со свойственной ему высокой самооценкой ответил Е Лихэнь. Затем, как будто вспомнив о чем-то, на его лице промелькнуло беспокойство. — Я просто удивляюсь твоим суждениям. — сказал он это тихо, почти про себя. Бай Цзиньшу почувствовал, что за этим внезапным сомнением кроется что-то еще, но прежде

чем он успел подумать дальше, Е Лихэнь сменил тему. — Куда делся брат Цзян?

— Как ты назвал моего дядю? — был ошеломлен таким обращением Бай Цзиньшу.

— Твой воинственный дядя просил меня называть его так, хотя я и не горю желанием. — равнодушно ответил Е Лихэнь.

Дядя Бай Цзиньшу, занимавшийся боевыми искусствами, действительно был особенно общительным наставником по боевым искусствам.

Например, во время этого путешествия Цзян Чэн не строил из себя старшего, по очереди выполняя с Бай Цзиньшу работу по дому, не проявляя чувства иерархии.

Бай Цзиньшу и раньше видел, как Цзян Чэн дружит с молодыми людьми младшего поколения, но на этот раз от небрежности Цзян Чэна у Бай Цзиньшу разболелась голова:

— Ты называешь моего дядю братом, так кем же это нас делает?

— Двоюродный дядя. — не колеблясь, ответил Е Лихэнь.

Бай Цзиньшу был удивлен и раздражен, глядя на Е Лихэня.

— Ты умеешь извлекать выгоду.

— Ты думаешь, мне понравится, если ты назовешь меня дядей?

— Мечтай.

Бай Цзиньшу попытался изобразить гнев, но, увидев серьезное выражение лица Е Лихэня, не смог удержаться от громкого смеха.

Е Лихэнь озадаченно посмотрел на него, а затем продолжил спрашивать:

— Куда пошел брат Цзян?

— Он пошел за водой. — Бай Цзиньшу почувствовал себя немного неловко, взглянув на Е Лихэня. — Ты действительно заботаешься о брате Цзяне?

Е Лихэнь некоторое время задумчиво изучал Бай Цзиньшу, затем спросил:

— Ты расстроен?

— Я расстроен. — притворно кивнул Бай Цзиньшу. — Я думал, что, учитывая нашу дружбу, ты, по крайней мере, сначала будешь называть братом меня.

— Тогда я буду называть тебя братом с этого момента.

Это сделало отношения между Бай Цзиньшу и Цзян Чэном довольно необычными. Однако, увидев, что Е Лихэнь такой послушный, Бай Цзиньшу обрадовался и принял это без колебаний. Когда настроение у него улучшилось, он поддразнил:

— Как обычно называют тебя твои родители?

— Они зовут меня Ли-эр.

— Тогда с этого момента я буду называть тебя Ли-эр.

Столкнувшись с этой очевидной попыткой воспользоваться преимуществом, Е Лихэнь остался невозмутим, небрежно ответив:

— Если бы я солгал, и на самом деле это была моя няня, называвшая меня так, ты бы не растерялся?

Бай Цзиншу на мгновение был ошеломлен, затем рассмеялся, размышляя молча. Он не должен был обманываться послушным поведением Е Лихэня, забывая, насколько мелочным, расчетливым и... очаровательным на самом деле был этот человек...

— У меня нет молока, поэтому я буду называть тебя просто Сяо Ецзы. Кто-нибудь тебя так называет?

— Моя горничная называет меня так.

— Хорошо, хорошо. — с улыбкой сдался Бай Цзиншу. — С этого момента я буду называть тебя «молодой господин», не возражаете, великий молодой господин?

— Ты можешь называть меня Сяо Ли, никто ко мне так не обращается.

Бай Цзиншу понравилось имя «Сяо Ли». Оно звучало интимно, и самое главное, Е Лихэнь сказал, что никто другой не называл его так, что делало это имя уникальным...

Постой! Бай Цзиншу вдруг понял... Зачем ему понадобилось это уникальное имя?

Ему следовало бы держаться на расстоянии от Е Лихэня. Однако его действия постоянно противоречили его планам.

Он не мог не приблизиться к Е Лихэню, используя дразнящие приемы, которые обычно приберегал для флирта с девушками.

Если бы он не был таким игривым и неподобающим, возможно, они не оказались бы сейчас в такой ситуации.

Бай Цзиншу медленно сдержал улыбку и неловко закончил разговор:

— Я пойду посмотрю, не нужна ли помощь дяде. Не уходи, подожди нас здесь.

Е Лихэнь, не обращая внимания на перемену в поведении Бай Цзиншу, спокойно кивнул:

— Иди и найди своего дядю, а я потушу огонь.

Уникальность Е Лихэня заключалась в том, что, по его словам, он мог относиться к этому как к своему личному делу. Бай Цзиншу было трудно разобраться в своих мыслях, чувствах или эмоциональном состоянии.

На мгновение Бай Цзиншу захотелось многое сказать, но он не знал, с чего начать. В конце концов, он молча встал и пошел на звук льющейся воды.

Чтобы быть уверенным, что Е Лихэнь не попадет в засаду, Бай Цзиншу не осмелился зайти слишком далеко. Он ждал на опушке леса возвращения Цзян Чэна, ища уединения, чтобы обдумать самый сложный вопрос в своей жизни.

К сожалению, он не нашел ответов.

Когда они снова отправились в путь, Бай Цзиньшу, не задумываясь, предложил Е Лихэню поехать с ним. Хотя чередовать боевые строения было привычкой, Бай Цзиньшу знал, что были и другие причины.

Е Лихэнь не возражал против предложения Бай Цзиньшу, спокойно поменял лошадей и сел первым, ожидая его.

На этот раз Цзян Чэн ехал позади них.

Е Лихэнь, обычно сдержанный, взял на себя инициативу заговорить с Бай Цзиньшу:

— Твоя младшая сестра будет на горе Жэньван?

Этот вопрос был неожиданным, как и сама возможность для Бай Цзиньшу:

— Лин-эр не знает, что мы идем на гору Жэньван, но она может сначала вернуться в школу.

Этот вывод обеспокоил его. Линь Лин хотела избегать его, а встреча в школе была бы неприятной для них обоих.

— Что ты такого сказал, что твоя младшая сестра не захотела тебя видеть? — спросил Е Лихэнь.

Бай Цзиньшу никогда не упоминал причину ухода Линь Лин, но Е Лихэнь, казалось, догадывался об этом. Бай Цзиньшу не скрыл этого сейчас.

— Я дал Лин-эр ясный ответ.

Е Лихэнь обдумал этот ответ, а затем задумался:

— Но ты так и не дал мне ясного ответа. В чем разница между мной и твоей младшей сестрой?

Этот вопрос попал в точку. На самом деле, Бай Цзиньшу бесчисленное количество раз спрашивал себя, почему он не смог уладить этот вопрос с Е Лихэнем.

Дело было не в том, что Е Лихэнь отличался от Линь Лин. Е Лихэнь отличался от всех, кого Бай Цзиньшу когда-либо встречал.

Совершенно не зная, что ответить, Бай Цзиньшу замолчал.

Е Лихэнь, погруженный в свои мысли, внезапно спросил:

— Если бы однажды ты увидел, как мы с твоей младшей сестрой сражаемся насмерть, кто бы, по-твоему, был виноват и кому бы ты помог?

— Я бы определенно поверил, что Линь Лин ни в чем не виновата, я слишком хорошо ее знаю.

Теперь Бай Цзиньшу отчасти понимал, почему Е Лихэнь всегда был нацелен на Линь Лин, но он все еще не мог понять, почему Е Лихэнь всегда хотел, чтобы Бай Цзиньшу выбрал, кому он доверяет больше, ему или Линь Лин.

Честно говоря, Бай Цзиньшу, естественно, больше доверял своей младшей сестре, как он и

сказал Е Лихэню. Он не был слепым. Он знал, что она за человек, в отличие от нее, он едва понимал его...

Однако, когда дело дошло до вопроса «кому помочь», Бай Цзиньшу понял, что его внутренний ответ был иным.

Столкнувшись с кем-то, чья личность все еще вызывала у него подозрения, Бай Цзиньшу не стал раскрывать, что он мог бы машинально помочь Е Лихэню, не задавая вопросов.

...Но это приблизило его к внутреннему ответу.

— Сяо Ли, когда тебе исполнится восемнадцать? — спросил Бай Цзиньшу.

Е Лихэн, который редко впадал в замешательство, помолчал, а затем ответил:

— Через два года и два месяца.

— Ты можешь подождать два года и два месяца, а затем услышать мой ответ?

— Я могу ждать тебя долго. Для тебя будет правильным не торопиться и все обдумать. — кивнул Е Лихэн.

На самом деле, Бай Цзиньшу не нуждался во времени. Он всегда действовал инстинктивно, не боясь последствий поспешных решений.

Но поскольку это касалось Е Лихэня, Бай Цзиньшу хотел дать ему достаточно времени на размышление. Хотя Е Лихэн казался взрослым и умным, он все еще был подростком, и, возможно, у него не будет длительных чувств, возможно, он забудет Бай Цзиньшу через несколько дней...

Подумав о такой возможности, Бай Цзиньшу почувствовал внезапную горечь.

Чтобы развеять эмоции, переполнявшие его разум, Бай Цзиньшу выдавил из себя улыбку:

— Я сомневаюсь, что к тому времени ты дождешься, ты, вероятно, подумаешь, что я уже стар.

Е Лихэн опустил голову, серьезно оценивая ситуацию:

— Я думаю, брат Цзян, несмотря на свой возраст, все еще довольно обаятелен.

Бай Цзиньшу почувствовал, что внезапное упоминание имени Цзян Чэна было подобно спрятанной стреле, неожиданно пронзившей его.

— Тебе нравится мой дядя? — горько улыбнулся он.

— Он оказался более хорошим человеком, чем я себе представлял.

— Ты уже давно представлял себе моего дядю?

— С тех пор, как ты сказал, что твой дядя похож на Эрлан-шэня.

— Я никогда этого не говорил. — удивился Бай Цзиньшу. — Твои общие навыки должны зависеть от твоего боевого мастерства, поэтому никто не посмеет тебя ударить, верно?

— Когда я рос, у меня не было товарищей по играм, поэтому, естественно, никто меня не бил.

Е Лихэнь говорил легко, но Бай Цзиншу почувствовал укол сочувствия к его одинокому детству.

Хотя он вырос вдали от дома, у него были друзья-соученики, которые составляли ему компанию и с удовольствием проводили время в играх.

Он не мог себе представить, в какой среде вырос Е Лихэнь, насколько мрачным и жалким должно было быть его поведение, если он был таким уверенным в себе и безразличным.

Чтобы не выказывать жалости, Бай Цзиншу пошутил:

— Почему бы тебе не называть меня братом Цзиншу, и я буду твоим товарищем по играм, который не ударит тебя.

— Я давно вышел из возраста игр, но не ожидал, что ты будешь вести себя так по-детски.

Молодой господин, которого было трудно дразнить, говорил искренне, и Бай Цзиншу оставалось только сдаться:

— Я был неправ. Мне следовало называть тебя тетушкой.

— Если ты будешь называть меня так, твоя семья согласится?

Бай Цзиншу помолчал, а затем расхохотался.

Изначально Бай Цзиншу предпочитал веселых, очаровательных личностей такого возраста, но характер Е Лихэня был противоположным.

И все же, закрывая глаза на гордый вид Е Лихэня, Бай Цзиншу обнаружил, что он послушный и интересный человек.

Осознание этого помогло ему понять, почему Цзян Чэн так быстро подружился с Е Лихэнем.

Вспоминая их приятную беседу верхом на лошади, Бай Цзиншу не удержался и спросил:

— О чем ты вчера говорил с моим дядей?

Вопрос Бай Цзиншу был резким, но Е Лихэнь, никогда не выказывавший удивления, естественно ответил:

— Мы говорили о вашей школе Жэньван.

— О чем тут говорить? — удивленно приподнял бровь Бай Цзиншу.

— Говорят, что Шаолинь и Удан всегда были лидерами в мире боевых искусств, но в последние годы школа Жэньван приобрела известность, возглавив другие школы. Есть кое-что, что можно обсудить.

— Когда ты начал интересоваться миром боевых искусств?

— Кто-то пытается убить нас, так что я должен беспокоиться... — Е Лихэнь не договорил, внезапно развернувшись, и из ниоткуда появилась ветка, нацеленная в сердце Бай Цзиншу.

Атака была не только неожиданной, но и быстрой, как молния. Обычно даже такой опытный человек, как Бай Цзиньшу, не смог бы защититься, но, к счастью, сработали инстинкты Бай Цзиньшу, его тело среагировало, чтобы избежать удара в жизненно важную точку, а рука сломала ветку.

Когда ладонь Бай Цзиньшу коснулась веточки, он понял, что она не была наполнена никакой внутренней энергией. Другими словами, даже если бы веточка попала в него, она бы просто сломалась. Понимая, что у Е Лихэня не было намерения причинить вред, Бай Цзиньшу был озадачен этим поступком.

— Я тебя чем-то обидел? Зачем так пугать меня?

— Я слышал от брата Цзяна, что ваша школа Жэньван ставит во главу угла безопасность, уделяя особое внимание предотвращению тайных нападений, поэтому я хотел проверить тебя.
— небрежно ответил Е Лихэнь.

Это действительно был уникальный аспект школы Жэньван.

В прошлом, когда школа Жэньван еще не завоевала своей нынешней репутации, ее насмешливо называли «школой трусов».

По какой-то причине основатель школы делал упор на самозащите, а не на победах над врагами. Методы были консервативными, и наставник должен был сосредоточиться на обучении тому, как справляться с коварной тактикой и засадами.

К поколению Бай Цзиньшу этот стиль был полностью усвоен. Последователи школы Жэньван любили устраивать засады друг на друга, как в качестве шутки, так и в качестве учебной практики. Они отточили мастерство сохранять спокойствие и контратаковать, даже когда на них внезапно напали самые близкие им люди.

Если бы Е Лихэнь услышал об этой необычной привычке от Цзян Чэна и решил ее протестировать, это было бы понятно.

Однако, Е Лихэнь явно приготовил веточку заранее, что указывает на то, что он планировал этот небольшой тест.

Бай Цзиньшу не знал, как реагировать на человека, который мог терпеливо обдумывать такой тривиальный вопрос.

В этот момент в Е Лихэне проявилась игривая сторона его характера. Он понизил голос, чтобы Цзян Чэн не услышал:

— Может, мы найдем возможность проверить боевые навыки твоего дяди?

— Ты предлагаешь устроить засаду на дядю? — был почти поражен Бай Цзиньшу.

— Да.

— Не валяй дурака. Он мой воинственный дядя. — быстро отказался Бай Цзиньшу.

— Брат Цзиньшу, поиграй со мной. — остался невозмутим и тихо произнес Е Лихэнь.

Когда Бай Цзиньшу дразнил Е Лихэня, он и представить себе не мог, что этот гордый и застенчивый человек на самом деле назовет его так, точно так же, как он не мог представить,

что Е Лихэнь будет вести себя так кокетливо. Теперь быть его товарищем по играм казалось небольшой платой.

— Хорошо, маленький предок. — вздохнул Бай Цзиншу.

<http://bllate.org/book/14305/1266041>